

Научная статья

УДК 008

DOI 10.52070/2542-2197_2022_13_868_148

Культурно-прагматический потенциал слова в асимметрии лингвокультур мира

Л. С. Гуревич

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

gurevich_ls@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется феномен асимметрии лингвокультур мира как объективной причины проблемы межкультурной коммуникации. Культурно-прагматический потенциал слова лежит в основе асимметрии восприятия и интерпретации культурных знаков, так как национально-специфические смыслы по-разному трактуются в различных культурных контекстах. Прагматика культурного знака обладает высокой степенью неопределенности и интерпретативной вариативности. Терминологическая синонимия и перекрещивание смыслов осложняют анализ диалога культур.

Ключевые слова: культурный знак, лингвокультурема, культурно-этнический компонент, культурная пресуппозиция, лингвокультурные коннотации

Для цитирования: Гуревич Л.С. Культурно-прагматический потенциал слова в асимметрии лингвокультур мира // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 13 (868). С. 148–156. DOI 10.52070/2542-2197_2022_13_868_148

Original article

The Cultural Pragmatic Potential Capacity of the Word in the Asymmetry of the World Linguocultures

Lyubov S. Gurevich

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

gurevich_ls@mail.ru

Abstract. The article investigates the phenomenon of asymmetry as the objective reason of the intercultural communication problem. The cultural pragmatic potential capacity of the word accounts for the asymmetry of cultural signs perception and interpretation, since country-specific meanings are subject to conflicting interpretations in different cultural contexts. The cultural sign pragmatics exhibits elevated uncertainty and interpretative variability. Terminological synonymy and meanings blends complicate the dialog of cultures analysis.

Keywords: cultural sign, linguocultureme, ethnocultural component, cultural presupposition, linguocultural connotation

For citation: Gurevich, L. S. (2022). The Cultural Pragmatic Potential Capacity of the Word in the Asymmetry of the World Linguocultures. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 13(868), 148–156. 10.52070/2542-2197_2022_13_868_148

ВВЕДЕНИЕ

Размышляя об асимметрии лингвокультур мира, мы так или иначе отталкиваемся от всеобщей признанной гипотезы о том, что каждый язык по-своему членит мир, и каждый носитель языка видит мир под тем углом зрения, который ему подсказывает родной язык [Гумбольдт, 1985; Сепир, 1993; Уорф, 1960]. Мир по-особому концептуализируется в каждой отдельной лингвокультуре, структурируемой не только ее материальной составляющей, но и богатым набором исторических, географических, экономических и прочих детерминант. Взглянуть на мир глазами носителя другого языка удастся не каждому, познавшему грамматический строй и изучившему широкий пласт иноязычной лексики. Именно в этом заключается своего рода иллюзия знания того, что скрывается за понятными, на первый взгляд, словами. Адекватное восприятие такого важного компонента любой культуры, как национальный язык, невозможно без познания «плана содержания этого языка», и это не просто познание языковой семантики, это овладение языковой картиной мира этого национального языка как «системы его видения мира» [Корнилов, 2003, с. 79]. Изучение языка в данном ключе рассматривается как «продуктивный способ интерпретации человеческой культуры» [Ангелова, 2004, с. 3], открывающей дорогу, «как к пониманию стиля личности, так и к событиям жизни прошлых поколений» [Ельмслев, 1960, с. 131]. На пересечении понятий «язык», «культура» и «человеческая личность» возникает совершенно новый ракурс научного наблюдения, в котором язык рассматривается как человеческий феномен, выступающий как «...связующее звено жизни психической и жизни общественно-культурной и в то же время орудие их взаимодействия» [Бенвенист, 1974, с. 45].

Смещение фокуса научного интереса от языка к человеку и его ментальной деятельности, ставшее одним из существенных характеристик современного антропоцентризма в гуманитарных науках, привело к расширению границ языкового знания и возникновению лингвокультурологического направления, позволяющего анализировать не только «язык в себе и для себя», но и выходящие за пределы языка «оперативные, содержательные единицы памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике», называемый Е. С. Кубряковой «концептом» [Кубрякова, 1996, с. 90].

Интересно отметить, что предпосылки такого «разрастания» лингвистического объекта исследования и развитие новых смежных гуманитарных направлений были предопределены еще научными

предсказаниями Ф. де Соссюра, который видел в сочетании парадигматических, синтагматических и словообразовательных связях некую «значимость», которая легла впоследствии в основу развития прагматики и прагматической семантики, отражающих «наиболее существенные для данной культуры смыслы, ценностные доминанты, совокупность которых и образует определенный тип культуры, поддерживаемый и сохраняемый в языке» [Карасик, 2004, с. 129]. В семантический состав концепта вошли прагматическая информация языкового знака, иллокутивные функции, «согласующиеся с «переживаемостью» [Степанов, 1997, с. 41] и «интенсивностью» [Перелыгина, 1993, с. 5] духовных ценностей, к которым он отправляет» (прив. по: [Ангелова, 2004, с. 4]).

В современных лингвокультурологических исследованиях сегодня, наряду с культурно-этническим компонентом, отражающим языковую картину мира носителей национального языка, в зону исследовательского интереса начинает входить изучение прагматического потенциала слова, определяемого как способность языковой единицы производить определенный коммуникативный эффект и осуществлять прагматическое воздействие на получателя [Комиссаров, 1999]. Особым, культурно-прагматическим потенциалом обладают фразеологизмы и идиомы в силу их способности к непрямой и косвенно-производной номинации, а также наличия оценочных характеристик номинируемых объектов в их семантической структуре. Дискурсивные языковые знаки сопоставляются с «национально-индивидуальными микромирами», которые содержат в себе «и нравственный закон, и здравый смысл, выраженные в кратком изречении, которые завещали предки в руководство потомкам» [Буславев, 1959, с. 204].

Изучение межкультурной коммуникации обозначило проблемные зоны, связанные с лингвокультурной асимметрией [Билз, 1997; Федоров, 2014; Леонтович, 2003], среди которых были выделены как наиболее значимые следующие аспекты:

1) *когнитивная память слова*, включающая в себя *семантические характеристики языкового знака и лингвокультурные коннотации*, где под последними подразумевается «интерпретация денотативного или образно-мотивированного аспектов значения в категориях культуры» [Телия, 1993, с. 214].

2) *прагматика языкового знака*;

3) *культурно-этнический компонент*¹, определяющий специфику семантики знака, отраженный в наивной национальной языковой картине мира.

¹См.: культура [Вежицкая, 1999]; лингвокультура [Воробьев, 1997].

Прагматическая составляющая смысла языковых единиц, которая либо «растворена» в их семантике в виде имплицитно присутствующих смыслов (коннотаций), либо объективируется в речи, прирастая дополнительными лингвокультурными смыслами из области экстралингвистики, приводит к лингвокультурной асимметрии коммуникации и становится серьезным препятствием в межкультурном общении

В рамках данного исследования обозначилась еще одна важная проблема – отсутствие единого терминологического аппарата и методологии исследования обозначенной проблемы. Интеграция трех значимых компонентов «язык», «культура» и «человек» в лингвокультурологическое исследование повлекла за собой параллельную интеграцию исследовательских методик и устоявшихся терминов в отдельных лингвистических, социальных, психологических и культурологических направлениях, в которых близкие по смыслу номинации имеют свое терминологическое соответствие. Компонентам лингвокультуры, обеспечивающим так называемую асимметрию лингвокультур в международном общении, также свойственна проблема перекрещивания смыслов в терминологии и терминологическая омонимия. На анализе некоторых из них остановимся далее.

ОСОБЕННОСТИ ПОНЯТИЙНОЙ СТРУКТУРЫ ТЕРМИНА «КУЛЬТУРНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ СЛОВА»

Термин «культурно-прагматический потенциал слова» еще не получил четкого определения в лингвокультурологии и в когнитивной лингвистике, а также не был описан в научной литературе или сопоставлен со смежными терминами, похожими по своим функциональным и номинативным характеристикам. Тем не менее по всем параметрам он обладает очень широким исследовательским потенциалом, поскольку аккумулирует в себе все признаки междисциплинарности.

С одной стороны, прагматический потенциал слова уже предопределяет особенности его функционирования, включая актуализацию этнокультурных принципов, принятых в языковом сообществе, конвенциональности и других характеристик коммуникативной деятельности, которые привносят дополнительные национально-специфические смыслы, понятные носителям языка и трудноуловимые для тех, кто только пытается постичь всю глубину иноязычного культурного знания. От прагматического потенциала слова зависит по большей части и собственно актуализируемая

прагматика речи, поскольку оба этих явления находятся в прямой зависимости друг от друга.

С другой стороны, термин «культурно-прагматический потенциал слова» указывает на то, что в основе прагматической специфики слова лежит культурный компонент, сужающий рамки возможных интерпретаций до уровня этнокультурных добавочных смыслов. Однако этот факт не приводит к усечению исследовательского поля до уровня совершенно малозначимого языкового явления. Наоборот, он способствует спецификации области знания, позволяя определить четкие границы приращения культурно-специфического смысла без внедрения в зону смежных областей межкультурной коммуникации, таких как коммуникативные стратегии и тактики, коммуникативные интенции партнеров, проксемические факторы и т. п., которые также по-разному трактуются в различных культурных контекстах.

Причина, по которой термин «культурно-прагматический потенциал слова» не получил должного развития, несмотря на то, что наличие этого явления в межкультурной коммуникации было отмечено около четверти века назад, кроется, на мой взгляд, в том, что понятие, номинируемое данным термином, находится в зоне пересечения смежных гуманитарных дисциплин, что не особо приветствуется приверженцами «чистой» науки и привносит некую хаотичность в научное описание данного явления. Исследование этого феномена требует также разработанного междисциплинарного подхода и своей специфической терминологии. Но главным препятствием для развития данного теоретического подхода является такая же междисциплинарная утилитарность термина. Культурно-прагматический потенциал слова может быть предметом научного исследования семантики, прагматики, теории коммуникации, дискурсивных исследований и пр., для которых будут важны одни характеристики исследуемого явления и индифферентны другие. Более того, некоторые характеристики могут оказаться противоречащими собственно научной концепции. Этот факт подтверждается ходом развития научной мысли.

История научных исследований свидетельствует о наличии неких пограничных фактов языка, которые долгое время не принимались классической наукой о языке, так как не вписывались в рамки узко-дисциплинарных концепций. Так, например, не сразу были признаны коннотации как часть семантической структуры слова. Пресуппозиции рассматривались в логике и отрицались в науке о языке. До появления когнитивного направления в лингвистике многие экстралингвистические

факторы вообще не учитывались в интерпретации языковых явлений.

Понятие «культурно-прагматический потенциал слова», аккумулирующее признаки междисциплинарных направлений, – сложное и многогранное по своей сути, но его особая ценность заключается в том, что в период развития интегративных исследовательских методик и междисциплинарности гуманитарного знания, когда в научном континууме появляется множество терминов, рожденных на стыке дисциплин, этот термин является емким и обобщающим, что очень важно для оптимизации и структурирования современного знания о культуре и языке.

Культурно-прагматический потенциал слова – очень емкое понятие. В нем прослеживается наличие некоего устойчивого ядра, соотносящегося с семантикой языковой единицы, и подвижная часть, связанная с ассоциативным приращением специфического лингвокультурного смысла в процессе функционирования языковой единицы в лингвокультурном пространстве. Именно специфика лингвокультурного пространства предопределяет всю ту уникальность формирования национальных языковых картин мира, которые мы изначально определили как специфическое «членение мира» посредством языка. Подвижным компонентом смысла данное приращение является потому, что языковая единица в процессе функционирования, по утверждению Л. П. Крысина, может приобретать, развивать, видоизменять и терять дополнительные лингвокультурные смыслы, когда с течением времени они становятся неактуальными [Крысин, 2008]. Это не семантика и не прагматика языковой единицы, это всего лишь прагматический потенциал, позволяющий дополнительным лингвокультурным смыслам появляться в определенных условиях и бесследно исчезать при отсутствии таковых.

Асимметрия национальных лингвокультурных смыслов заключается в том, что лексемы, являющиеся переводческими эквивалентами на уровне семантики, очень часто не совпадают по их прагматическому потенциалу, что может свести данную эквивалентность в определенных контекстах к нулю. Более того, дополнительные лингвокультурные смыслы лексем могут быть также асимметричны. Так, например, в русскоязычной лингвокультуре *чашка чая* не обладает специфическим лингвокультурным приращением (коннотацией), она не связана ни с какими особыми культурными ассоциациями. В то время, как в англоязычной лингвокультуре *to be one's cup of tea* рассматривается на более высоком уровне – уровне фразеологизмов, – на котором происходит значимая трансформация первичного смысла словосочетания.

На фразеологическом уровне словосочетания двух лингвокультур теряют свою эквивалентность, и фразы *это не моя чашка чая* и *it's not my cup of tea* («это мне не подходит») могут считаться эквивалентами перевода только для определенных контекстов, в которых актуализируется прямое (буквальное), а не фигуральное значение языковых номинаций.

Другой пример на уровне асимметричных лингвокультурных коннотаций в русскоязычной и англоязычной культурах – это символ Рождества. Данный лингвокультурный смысл является национально-культурным приращением к разным лексемам. В русскоязычном языковом сообществе – это *ель*, в англоязычном – *омела*. Культурно-прагматический потенциал слова здесь обусловлен не столько семантикой лексических единиц (вернее, совершенно не обусловлен таковой), сколько национально-специфическими особенностями быта (празднования событий и пр.) Экстралингвистический фактор здесь становится доминантным в создании асимметрии референциальной отнесенности, что на более высоком уровне будет интерпретироваться как асимметрия лингвокультур.

«КУЛЬТУРНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ СЛОВА» В СОПОСТАВЛЕНИИ С ДРУГОЙ ТЕРМИНОЛОГИЕЙ

В отличие от термина «культурно-прагматический потенциал слова», понятие «культурно-этнический компонент» в достаточной степени разработано в современной лингвокультурологии и лингвистике. Дополнительно, в рамках лингвокультурологического подхода был предложен синонимичный термин – *лингвокультурема*, аккумулирующий в себе совокупность сегментов языка (языкового значения) и культуры (внеязыкового культурного смысла) [Воробьев, 1997]. По утверждению автора термина, лингвокультуремой можно назвать языковую единицу практически любого языкового уровня, начиная со слова и заканчивая текстом вплоть до целых художественных произведений [Воробьев, 1993]. Основным критерием данной классификации является принадлежность языковой единицы к категории «культурно-специфичных слов», которые «являются понятийными орудиями, отражающими прошлый опыт нации» [Вежбицкая, 1999, с. 269].

Культурно-специфические слова подразделяют на единицы, эксплицитно указывающие на наличие в их семантике культурно значимой информации, т. е. в денотативном аспекте значения, и на единицы, которые содержат имплицитное указание на наличие у них лингвокультурной

коннотации [Телия, 1996]. Последняя категория – достаточно зыбкая с точки зрения технических классификационных характеристик, ибо она непосредственно связана с процессом интерпретации, а интерпретация всегда субъективна и неоднозначна. К тому же, коннотативные приращения разного рода ассоциативно-фонового, эмпирического, культурно-исторического и др. характера [там же, с. 73] составляют экстралингвистическое, внеязыковое знание, которое по классическим канонам лингвистики не принято рассматривать как часть языкового значения. Можем ли мы считать последнюю категорию слов чисто языковыми единицами, или их следует отнести в категорию уже известных нам лингвокультурем, гибридных сращений языкового и внеязыкового знания, – этот вопрос до сих пор остается открытым.

Данное сомнение разделяется также исследованием Н. Н. Бочеговой, которая утверждает, что следует все же разграничивать понятия национально-культурной специфики и национально культурной коннотации, поскольку первое является частью лексической единицы (содержательного ядра значения лексемы), в то время как национально-культурная коннотация определяется как дополнительное значение, связанное с условиями и участниками коммуникативного акта. В качестве примера автор приводит слово *ranch*, отражающее уникальное явление культуры Северной Америки, утверждая, что семантический признак «находящийся на Западе США или в Канаде» является частью языкового значения слова. Другое же слово *farm* лишено данной культурно-специфической семантической составляющей [Бочегова, с. 2005]. Это исследование подтверждает также и идею специфики лингвокультурного пространства, которая является основой лингвокультурной асимметрии, о чем говорилось ранее. Н. Н. Бочегова указывает на несовпадение семантического прототипа американской фермы с прототипом британской фермы по причине разных культурно-исторических условий формирования данного типа хозяйствования. И здесь вскрывается такой парадокс: при внешнем полном совпадении лексем *farm* в американской и британской лингвокультурах национально-культурная специфика на глубоком семантическом (а, точнее, прагматическом. – Л. Г.) уровне у них разная [там же].

Что касается национально-культурных коннотаций, то здесь мы имеем дело с лингвистическими формами, используемыми для передачи информации, выходящей за рамки денотативной референции слов в сферу эмоциональной, прагматической и символической составляющих коммуникации. Данное явление, по определению Н. Бонвиллейн, называется *культурной пресуппозицией*

[Bonvillain, 1997]. Культурные пресуппозиции выполняют функцию передачи (трансляции) установок национальной культуры, разделяемых представителями данной нации, через язык. И это уже не является частью языкового значения, это информация, накапливаемая людьми в течение всей жизни в виде индивидуального и коллективного опыта через процесс освоения культуры – аккумуляцию. Так, если американцы пристально следили за соревнованиями по бейсболу в течение сезона, им будет понятна культурная пресуппозиция номинации «World Series», чего нельзя сказать о тех людях, которые в совершенстве знают английский язык, но не причастны в силу объективных условий к данной культурной реальности. Для представителей иноязычной культуры культурная пресуппозиция останется пустой, не понятой. По утверждению Н. Н. Бочеговой, культурные пресуппозиции «более сложны, и их интеграция в значение слов представляется более тонкой» [Бочегова, 2005, с. 22]. К тому же, под вопросом остается и сам факт интеграции культурной пресуппозиции в языковое значение, поскольку данное утверждение звучит сомнительно и спорно. Между тем, культурные пресуппозиции можно уверенно отнести к разряду культурно-этнических компонентов, поскольку они представляют собой, если опираться на определение В. Н. Телия, «интерпретацию или дополнение денотативного аспекта разнообразными сведениями: ассоциативно-фонового, эмпирического, культурно-исторического или мировоззренческого характера» [Телия, 1996, с. 73].

На данном уровне логических рассуждений и сопоставлений, наш небольшой, но емкий терминологический круг замыкается: мы возвращаемся к исходному термину «культурно-этнический компонент». Проблема, обозначенная ранее как «терминологическая неоднозначность и неопределенность», высвечивается на уровне толкования в некоем подобии «герменевтического круга», который мы попробуем «разорвать» и упорядочить, хотя бы в самом примитивном варианте дифференциации толкования синонимичной терминологии.

На основании анализа научной литературы и приводимых в научных работах примеров, а также представленного в данной статье научного анализа, мы можем сопоставить термины, их содержание и объем понятий.

«Лингвокультурема» мыслится как гибридное междисциплинарное образование на стыке лингвистики и культурологии, представляющее собой, по определению В. В. Воробьева, «диалектическое единство лингвистического и экстралингвистического (понятийного или предметного) содержания»

[Воробьев, 2006, с. 44–45]. По классической лингвистической теории экстралингвистическое знание не является частью языкового значения лексемы, поэтому, чисто технически, но не содержательно, лингвокультурема может рассматриваться лишь в качестве концептуального содержания языковой единицы в разделе когнитивной лингвистики. Какую лакуну сможет занять данный гибридный термин в когнитивной теории – остается под знаком вопроса. К тому же, по определению, лингвокультурема представляет собой весь спектр языковых единиц от слова до прецедентного текста. Такой «уровневый разброс» не свойственен классическим языковым классификациям, они более упорядочены с точки зрения количества уровней элементов и специфики их распределения. С другой стороны, лингвокультурема не сможет занять полноправную позицию в терминологическом аппарате культурологии, поскольку данная наука не занимается семантикой языковых единиц. Возможно, по этой причине (и не только) многие авторы критикуют некоторые построения лингвокультурологии, называя их псевдонаучными [Березович, 2018], поскольку они не отвечают требованиям общепризнанных научных концепций и не обладают высокой функциональной значимостью в «чистой» науке. Данная научная полемика порождает ряд оппозиционных вопросов. Например, означает ли отрицание междисциплинарных терминов отрицание самих смежных дисциплин? Способна ли «чистая» наука ответить на волнующие человечество вопросы в областях знаний, в которых главным субъектом исследования является такая мультимодальная сущность, как человек? Исходя из современных тенденций в науке мы всё же должны признать, что преимущество в исследовательских предпочтениях и убедительность аргументации, на сегодняшний момент, – на стороне междисциплинарных и интегративных принципов исследования.

В поддержку междисциплинарного термина «лингвокультурема» можно отметить ее способность номинировать «культурно-прагматический потенциал языкового знака», однако в отличие от собственно прагматики, как мы уже отмечали, потенциал не является перманентной характеристикой языкового знака, он нестабилен и зависит от внешних экстралингвистических факторов. При всей ее смысловой (прагматической) нестабильности, в лингвокультуреме, по утверждению В. В. Воробьева, устойчивой является *сочетаемость* лингвистических и культурологических конструктов, «которая фиксирует и воспроизводит наиболее важные для языковой картины мира «кванты» смысла культурных концептов» [Воробьев, 1997, с. 51]. Культурная коннотация

выступает в качестве связующего звена между двумя семиотическими системами: языком и культурой, что обуславливает целесообразность подобного научного построения, и какой бы веской ни была аргументация ученых, называющих гибридизацию терминов, созданных на стыке наук, псевдонаучными, мы вынуждены принять как факт создание междисциплинарных областей знания и разработку собственного терминологического аппарата и методик для их обслуживания. Лингвокультурема – один из примеров специфических гибридных терминов, являющийся исконно междисциплинарным термином лингвокультурологии.

Культурные пресуппозиции связаны непосредственно с процессом аккультурации, они не имеют непосредственной связи с культурно-прагматическим потенциалом слова, и вопрос о теоретической возможности возникновения культурных пресуппозиций связан не столько с семантикой слова, сколько с экстралингвистическими реалиями. Как уже отмечалось ранее, следует отличать национально-культурную специфику от национально-культурной коннотации. Культурные коннотации, по моему убеждению, относятся к разряду национально-культурной специфики, не имеющей ничего общего с языковым значением. Это окказиональные темпоральные образования ментального свойства, присущие определенной национальной культуре или определенной группе представителей нации. Следует отличать лингвокультурные коннотации, в которых приращение дополнительных культурно-этнических смыслов происходит за счет внутренних резервов лексем: наличия специфических сем, выступающих маркерами национально-специфических смыслов. Например, слово *душегрея*, по определению «Большой Российской энциклопедии»¹, «парадная одежда русских крестьянок, которая часто шилась из парчи или бархата», содержит в своей семантике ряд национально-специфических сем, который обуславливает отнесение данного слова к разряду безэквивалентной лексики в переводе. Английский аналог *woman's sleeveless jacket* не передает национального колорита слова *душегрея*. И когда мы встречаем следующее описание: «На натурной инсценировке (Третьяковская галерея, 4453) слева от смеющегося попа уже отчетливо видна женщина в короткой *душегрее*, накинутой на голову»², мы

¹ *Душегрея* – из книги Р. М. Кирсанова «Костюм в русской художественной культуре XVIII – первой половины XX вв. Опыт энциклопедии» [Кирсанов, 1995].

² Товарищество передвижных художественных выставок.
URL: <http://www.tphv-history.ru/books/istoricheskaya-zhivopis-surikova100.html>

понимаем, что речь идет об описании быта дореволюционной России. Добавочный культурно-этнический смысл «дореволюционная Россия» не заложен в семантике слова, но имплицитно ей. Перманентность добавочного признака к семантике указывает на наличие сращения языковых и культурных (экстралингвистических) смыслов, т. е. наличие *лингвокультуры*.

И, наконец, *культурно-этнический компонент* языкового смысла, который можно понимать двояко: как часть семантики слова (лингвокультурные коннотации) или как часть прагматического потенциала слова, актуализируемого под воздействием присутствующих в семантике языковых маркеров или под влиянием контекстного окружения как дополнительные национально-специфические смыслы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основании проведенного исследования мы можем прийти к заключению, что проблемы в межкультурной коммуникации связаны, по большей

своей части, с асимметрией культурно-прагматической составляющей языковых единиц разных лингвокультур. Если установление языковой эквивалентности относится к вопросу чисто технического поиска словарных соответствий, то прагматическая нагруженность языкового знака становится серьезной проблемой в диалоге культур.

Все проанализированные в статье лингвокультурологические термины имеют общие прагматические характеристики и схожи по функциональным свойствам, что делает их практически эквивалентными в научном анализе. Тем не менее данная статья дает схематическую дифференциацию некоторых смежных терминов. Безусловно, данный вопрос требует тщательного и детального изучения.

Проанализированные в работе явления объединяет одно очень важное функциональное свойство: все они создают условия асимметрии для национальных лингвокультур в их сопоставлении и являются ключевой проблемой в межкультурной коммуникации. Все обозначенные вехи лингвокультурологического анализа также нуждаются в глубоком изучении.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры / пер. с нем. вступ. статьи А. В. Гулыш, Г. В. Рамишвили. М.: Прогресс, 1985.
2. Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс Переплет, 1993.
3. Уорф, Б. Л. Лингвистика и логика // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 1. М.: 1960. С. 183–198.
4. Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. 2-е изд. испр. и доп. М.: ЧеРо, 2003.
5. Ангелова М. М. «Концепт» в современной лингвокультурологии // Актуальные проблемы английской лингвистики и лингводидактики: сборник научных трудов. Вып. 3. М.: Прометей, 2004. С. 3–10.
6. Ельмслев Л. Прологомены к теории языка // Новое в лингвистике. Вып. I. М.: Изд-во Иностранная литература, 1960. С. 131–256.
7. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974.
8. Кубрякова Е. С. Концепт / Кубрякова Е. С., Демьянков В. З. и др. // Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Изд-во МГУ, 1996. С. 90–93.
9. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004.
10. Степанов Ю. С. Константы // Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: 1997. С. 40–43.
11. Перелыгина Е. М. Катартическая функция текста: автореф. ... канд. филол. наук. Тверь, 1993.
12. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. Курс лекций. М.: ЭТС, 1999.
13. Буслаев И. Ф. Историческая грамматика русского языка. М.: Учпедгиз, 1959.
14. Билз Р. Л. Аккультурация // Антология исследований культуры. Т. 1: Интерпретация культуры. СПб.: Университетская книга, 1997. С. 348–370. (Культурология XX век).
15. Федоров М. А. Термин «лингвокультура» в аспекте теории культуры // Вестник Бурятского государственного университета, 2014. № 6 (2). С. 83–86.
16. Леонтович О. А. Россия и США: Введение в межкультурную коммуникацию: учебное пособие. Волгоград: Перемена, 2003.
17. Телия В. Н. Культурно-национальные коннотации фразеологизмов (от мировидения к миропониманию) // Славянское языкознание. XI Международный съезд славистов. М.: Наука, 1993. С. 302–314.
18. Воркачев С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001. № 1. С. 64–72.
19. Вежицкая А. Семантические универсалии и описание языков / пер. с англ. А. Д. Шмелева; под ред. Т. В. Булыгиной. М.: Языки русской культуры, 1999.
20. Воробьев В. В. Лингвокультурология (теория и методы). М.: Изд-во МГУ, 1997.

21. Крысин Л. П. Слово в современных текстах и словарях: очерки о русской лексике и лексикографии. М.: Знак, 2008.
22. Воробьев В. В. О понятии лингвокультурологии и ее компонентах // Язык и культура: Сб. докл. 2-я междунар. конф. Киев, 1993. С. 42–48.
23. Бочегова Н. Н. Этнос. Культура. Язык: Монография. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2005.
24. Bonvillain N. Language, Culture and Communication: The Meaning of 157 Messages. Upper Saddle River (NJ), 1997.
25. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996.
26. Воробьев В. В. Лингвокультурология. М.: Изд-во РУДН, 2006.
27. Березович Е. Л. Псевдонаучные построения современной лингвокультурологии // Четвертые Моисеевские чтения: в 2 ч.: материалы Всероссийской (с международным участием) научной конференции. Оренбург: Оренбургская книга, 2018. Ч. 1. С. 132–138.
28. Кирсанов Р. М. Костюм в русской художественной культуре XVIII – первой половины XX вв. Опыт энциклопедии. М.: Большая Российская энциклопедия, 1995. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1375664>

REFERENCES

1. Humboldt W. V. (1985). Yazyk i filosofiya kul'tury = Language and culture philosophy. Moscow: Progress. (In Russ.)
2. Sepir, E. (1993). Izbrannye trudy po yazykoznaniiu i kul'turologii = Selected works on linguistics and cultural studies. Moscow: Progress, Pereplet. (In Russ.)
3. Whorf, B. L. (1960). Lingvistika i logika = Linguistics and logics. Novoe v zarubezhnoj lingvistike, 1, 183–198. Moscow. (In Russ.)
4. Kornilov, O. A. (2003). Yazykovye kartiny mira kak proizvodnye natsionalnykh mentalitetov = Linguistic picture world as derivatives of national mentality. 2nd revised and enlarged edition. Moscow: CheRo. (In Russ.)
5. Angelova, M. M. (2004). «Kontsept» v sovremennoj lingvokul'turologii = “Concept” in contemporary linguocultural studies. Aktual'nye problemy anglijskoj lingvistiki i lingvodidaktiki, 3, 3–10. Moscow: Prometej. (In Russ.)
6. Hjelmslev, L. (1960). Prolegomeny k teorii yazyka = Prolegomena to a theory of language. Novoe v lingvistike, 1, 131–256. (In Russ.)
7. Benveniste, E. (1974). Obshchaya lingvistika = Problems in general linguistics. Moscow: Progress. (In Russ.)
8. Kubryakova, E. S. (1996). Kontsept = Concept. In Kubryakova, E. S., Dem'yankov, V. Z. (Eds.), Abridged dictionary of cognitive terms (pp. 90–93). Moscow: Moscow State University Publishing House. (In Russ.)
9. Karasik, V. I. (2004). Yazykovoi krug: lichnost', kontsepty, diskurs. Moscow: Gnozis. (In Russ.)
10. Stepanov, Yu. S. (1997). Konstanty = Constants. In Dictionary of Russian Culture (pp. 40–43). The first effort of research. Moscow. (In Russ.)
11. Perehygina, E. M. (1993). Katarticheskaya funktsiya teksta = The cathartic function of the text: abstract of a thesis. Tver'. (In Russ.)
12. Komissarov, V. N. (1999) Sovremennoe perevodovedenie = Modern translation studies. Series of lectures. Moscow: ETS. (In Russ.)
13. Buslaev, I. F. (1959). Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka = Historical grammar of the Russian language. Moscow: Uchpedgiz. (In Russ.)
14. Beals, R. L. (1997). Akkul'turatsiya = Acculturation. In Antologiya issledovaniy kul'tury Anthology of cultural studies research (Part 1. Culture interpretation, pp. 348–370). St. Petersburg: Universitetskaya kniga. (In Russ.)
15. Fedorov, M. A. (2014). Termin «lingvokul'tura» v aspekte teorii kul'tury = The term “linguoculture” in the context of the theory of culture. Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta, 6(2), 83–86. Ulan-Ude. (In Russ.)
16. Leontovich, O. A. (2003). Rossiya i SSHA: Vvedenie v mezhkul'turnuyu kommunikatsiyu = Russia and the USA: principles of intercultural communication. Textbook. Volgograd: Peremena. (In Russ.)
17. Teliya, V. N. (1993). Kul'turno-natsional'nye konnotatsii frazeologizmov (ot mirovideniya k miroponimaniyu) = Cultural national connotations of phraseological units. In Slavic language studies (pp. 302–314): XI International Slavic Congress. Moscow: Nauka. (In Russ.)
18. Vorkachev, S. G. (2001). Lingvokul'turologiya, yazykovaya lichnost', kontsept: stanovlenie antropotsentricheskoy paradigmy v yazykoznanii = Linguocultural studies, linguistic persona, concept: anthropocentric paradigm establishment in the study of language. Filologicheskie nauki, 1, 64–72. (In Russ.)
19. Wierzbicka, A. (1999). Semanticheskie universalii i opisanie yazykov = Semantics: Primes and Universals. Moscow: Yazyki russkoj kul'tury. (In Russ.)
20. Vorob'ev, V. V. (1997). Lingvokul'turologiya (teoriya i metody) = Linguocultural studies (theory and methods). Moscow: Moscow State University Publishing House. (In Russ.)
21. Krysin, L. P. (2008). Slovo v sovremennykh tekstakh i slovaryakh: ocherki o russkoj leksike i leksikografii = The word in modern texts and dictionaries: a character sketch of the Russian lexicon and lexicography. Moscow: Znak. (In Russ.)

22. Vorob'ev, V. V. (1993). O ponyatii lingvokul'turologii i ee komponentakh = About the notion of the linguocultural studies and its components. Language and culture (pp. 42–48): The 2nd International conference proceedings. Kiev, 1993. (In Russ.)
23. Teliya, V.N. (1996). Russkaya frazeologiya. Semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokul'turologicheskij aspekty = Russian phraseology. Semantic, pragmatic, linguocultural aspects. Moscow: Languages of Russian culture. (In Russ.)
24. Bochegova, N. N. (2005). Etnos. Kul'tura. Yazyk: Monografiya = Ethnos. Culture. Language. Kurgan: Kurgan State University. (In Russ.)
25. Bonvillain, N. (1997). Language, Culture and Communication: The Meaning of 157 Messages. Upper Saddle River, NJ, Prentice Hall.
26. Vorob'ev, V. V. (2006). Lingvokul'turologiya = Linguocultural studies. Moscow: Peoples' Friendship University of Russia. (In Russ.)
27. Berezovich, E. L. (2018). Psevdonauchnye postroeniya sovremennoj lingvokul'turologii = Quasiscientific architecture of contemporary linguocultural studies. In Chetvertye Moiseevskie chteniya (part 1, pp. 132–138). The 4th Moiseev's Readings: in 2 parts. The materials of all-Russia scientific conference (with international participation). Orenburg: Orenburgskaya Kniga. (In Russ.)
28. Kirsanov, R. M. (1995). Kostjum v russkoj hudozhestvennoj kul'ture XVIII – pervoj poloviny XX vv. Opyt jenciklopedii = Costume in Russian artistic culture of the 18th – the first half of the 20th centuries. Encyclopedia experience. Moscow: Bol'shaja Rossijskaja jenciklopedija. <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1375664> (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гуревич Любовь Степановна

доктор филологических наук, доцент
 профессор кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации
 в области гуманитарных и прикладных наук Института гуманитарных и прикладных наук
 Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Gurevich Lyubov Stepanovna

Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor
 Professor at the Department of Linguistics and Professional Communication in Humanitarian
 and Applied Sciences, Institute of Humanitarian and Applied Sciences, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию 26.09.2022
 одобрена после рецензирования 20.10.2022
 принята к публикации 14.11.2022

The article was submitted 26.09.2022
 approved after reviewing 20.10.2022
 accepted for publication 14.11.2022